

ДАРЬЯ ГРЕЧКО*, ОЛЕСЯ ПАЛИНСЬКА**

*Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, Institut für Slavistik

**Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, Institut für Slavistik

Словообразование в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи

К л ю ч е в ы е с л о в а : белорусско-русская смешанная речь; украинско-русская смешанная речь; деривационная морфология

К e y w o r d s : Belarusian-Russian mixed speech; Ukrainian-Russian mixed speech; derivational morphology

Введение

Белорусско-русская смешанная речь (БРСР) в Беларуси и украинско-русская смешанная речь (УРСР) в Украине – явления несколько похожие, но имеющие некоторые существенные различия, связанные с особенностями возникновения и функционирования этих идиомов. Одним из важнейших различий является более сильная русификация БРСР, прежде всего в области лексики (ср. Хентшель 2013: 63). В этой статье рассмотрены возможные причины различий между БРСР и УРСР в области словообразования.

Согласно конституции Беларуси, государственными языками являются белорусский и русский языки. Официально оба языка равны, но русский язык преобладает в Беларуси в большинстве сфер, например, в общественной жизни, в средствах массовой информации, в школах,

в правительственных и административных органах. Белорусский язык выполняет скорее символическую функцию. Кроме того, в Беларуси существует еще и третий код – БРСР, или так называемая «трасянка», которая используется прежде всего в семейном контексте.

Похожим образом в Украине существует смешанная речь – УРСР, называемая «суржиком», но ситуация в Украине отличается от белорусской тем, что, в соответствии с конституцией, а также с законами «О языках в Украинской ССР» (1989–2012) и «Об основах государственной языковой политики» (2012–2018), единственным государственным языком Украины является украинский¹, так что уровень его использования в общественной жизни намного выше, чем белорусского в Беларуси (ср. Хентшель, Киттель 2011 – по поводу БРСР, Хентшель, Тараненко 2015 – УРСР).

БРСР можно охарактеризовать как смешанный идиом из автохтонных белорусских диалектов и доминирующего литературного русского языка, в то время как белорусский литературный язык являлся скорее адстратом (ср. Хентшель 2013). Ситуация для УРСР в целом похожа, за исключением более высокого статуса (в настоящее время) украинского языка в Украине и соответственно большего его влияния на смешанный идиом. Как в Беларуси, так и в Украине присутствует довольно негативное отношение к БРСР / УРСР, которое в основном поддерживается средствами массовой информации и национальной интеллигенцией.

В данной статье на основе некоторых деривационных явлений показано, какие аффиксы – ‘русские’ или ‘белорусские’ / ‘украинские’² – используются в БРСР / УРСР. Также показано, какие социодемографические и структурные факторы влияют на выбор аффиксов. При многочисленных исследованиях фонетики и морфологии (прежде всего флективной) БРСР и УРСР были выявлены определенные тенденции

¹ Тем не менее, за русским был закреплён статус официального (им обязаны были владеть госслужащие, оба языка использовались во многих документах высших органов власти, он был обязательным для изучения в общеобразовательных школах и т.д.), а позже его использование, как (часто лишь формально) и других региональных, было существенно расширено в регионах, где количество их носителей составляло не менее 10%.

² Поскольку обозначения отдельных морфем как ‘русские’ или ‘белорусские’ / ‘украинские’ не подразумевают этимологическую принадлежность, они ставятся в одиночные кавычки.

по использованию ‘русских’ и ‘белорусских’ / ‘украинских’ языковых элементов, в то время как деривационная морфология этих восточнославянских смешанных идиомов пока не рассматривалась.

Основой исследования являются Ольденбургские корпусы БРСР и УРСР, собранные в ходе проектов «Трасянка в Беларуси – «смешанный идиом» как продукт белорусско-русского языкового контакта» (при поддержке Volkswagenstiftung, 2008–2013) и «Вариативность и стабильность в смешанных субстандартах: суржик» (Fritz Thyssen Stiftung 2014–2019). Оба корпуса в свою очередь состоят из двух подкорпусов: семейные разговоры и интервью.

Сбор данных для семейного корпуса БРСР проводился в семи городах Беларуси: Октябрьский, Барановичи, Хотимск, Минск, Рогачев, Сморгонь и Шарковщина. Дополнительно к столице – Минску из каждого белорусского диалектного региона (северо-восточного, юго-западного, центральной переходной зоны) были выбраны города, находящиеся на западе и на востоке страны (ср. Хентшель 2016: 90). Открытые интервью проводились в тех же городах, за исключением Минска и Барановичей.³ Семейный корпус содержит языковой материал в общей сложности 129 говорящих, из них 70 центральных респондентов произвели 97% от общего объема семейного корпуса (всего приблизительно 212 тыс. словоформ). Открытые интервью были проведены с 54 респондентами. Корпус интервью состоит из приблизительно 170 тыс. словоформ. В обоих корпусах БРСР представлены респонденты разных возрастных групп, степеней образования и обоих полов.⁴

Похожим образом составлен и корпус УРСР: он включает 342 тыс. словоформ, 170 тыс. в подкорпусе интервью и 172 тыс. в семейном подкорпусе. Был обработан материал от 85 респондентов (из них 56 центральных) в семейном корпусе и от 68 в корпусе интервью. Сбор данных проводился в ряде городов 11 центральноукраинских областей, которые при помощи кластерного анализа (на основании оценки частоты использования кодов в повседневной жизни как среди респондентов, так и среди их ближайшего окружения) были объединены в ареалы:

³ Вместо Барановичей интервью проводились в соседнем Слониме.

⁴ Подробнее о социодемографических характеристиках респондентов см.: Hentschel, Zeller, Tesch 2014.

А – Хмельницкая, Винницкая, Черкасская области, В – Киевская, Черниговская, Полтавская, С – Житомирская, Кировоградская, Д – Сумская, Днепропетровская, Е – Харьковская. В ареалах А – С преобладает украинский язык, в Д – смешанный и в Е – русский (Хентшель, Тараненко 2015).

Исследования показали, что в УРСР существуют явные различия между восточными и западными ареалами, в то время как в Беларуси смешанная речь хоть и различается в разных городах, но четкого разделения, в частности по оси восток-запад, не наблюдается.

Так как респонденты интервью не имели никакого контакта ни между собой, ни с респондентами семейного корпуса, а выявленные соотношения в использовании ‘русских’ и ‘белорусских’ / ‘украинских’ аффиксов в проанализированных группах лишь минимально различаются в обоих подкорпусах⁵, полученные результаты могут быть обобщены для городской белорусско-русской / украинско-русской смешанной речи (ср. Хентшель 2016: 90).

Анализ основывается только на гибридных высказываниях (то есть высказываниях, в которых присутствуют как ‘русские’, так и ‘белорусские’ / ‘украинские’ или ‘гибридные’ морфемы), так как именно такие высказывания могут считаться БРСР / УРСР в узком смысле (Хентшель 2013: 62). Для классификации деривационных формантов как ‘русских’ или ‘белорусских’ / ‘украинских’ применялись только морфологические и морфонологические критерии, так как фонологические особенности не связаны с деривационной системой.

Большинство деривационных формантов в русском, белорусском и украинском языках генетически связаны и имеют сходство по форме и содержанию. Этот факт может затруднить сравнение деривационных систем этих языков. Тем не менее, в каждом из этих языков существуют собственные модели словообразования. В этой статье описаны 4 группы аффиксов двух смешанных кодов – БРСР и УРСР. Группы были выбраны по двум критериям: как наиболее частотные и как имеющие место и в БРСР, и в УРСР.

⁵ Максимальное различие – 7,5% в группе 4 для БРСР, 14% в группе 4 для УРСР.

Анализированные деривационные форманты

Группа 1 состоит из ‘русских’ суффиксов {-ниј-}/{-нѣј-}/{-ениј-}/{-енѣј-} (напр., *исследование*⁶, *пополнение*, *варенье*), ‘белорусских’ {-ннь-}/{-еннь-}/{-эннь-} (*даследаванне*, *папаўненне*, *варэнне*) и ‘украинских’ {-ннь-}/{-еннь-} (*дослідження*, *поповнення*, *варення*)⁷. Как в русском, так и в белорусском и украинском с помощью этих деривационных суффиксов образуются отглагольные существительные со значением процесса или результата действия (ср. Шакун 1978: 111). Особенностью украинских суффиксов является то, что после них следует окончание -а, а не -е, как в русском и белорусском. Это также влияет на выбор суффикса, так как аффинитет ‘украинских’ суффиксов и окончаний (и соответственно ‘русских’) практически 100%-ный. Также украинские отглагольные существительные отличаются от русских и белорусских тем, что в них ударение в большинстве случаев падает на корень, а не на суффикс (УП 2015: 30).

Группу 2 составляют суффиксы рус: {-ива-}/{-ыва-} (напр., *оценивать*, *записывать*, *показывать*)⁸ // бел: {-ва-} (*ацэньваць*, *запісваць*, *паказваць*) // укр: {-ува-} ({-у-})⁹ (*оцінювати*, *записувати*, *показувати*). При помощи этих деривационных формантов во всех трех языках образуются глаголы несовершенного вида, при этом лексическое значение мотивирующего слова не изменяется (ср. Лукашанец, Николаева 2014: 357; Плющ 2005: 64). Здесь, однако, также учтены словоформы, которые были перенесены на другие части речи с помощью других деривационных формантов.

⁶ Примеры, приведенные в тексте курсивом и кириллицей, являются словарными соответствиями (леммами) словоформ, употребленных респондентами. Словоформы приведены латинским шрифтом (с целью передачи особенностей произношения) и в угловых скобках <>.

⁷ Двойные согласные могут выступать в анализируемых корпусах редуцированно, напр., *павыш-энн-е* → <равуš-èn-e>, но если в конце суффикса нет разделительного согласного [j], такие словообразовательные суффиксы классифицируются как ‘белорусские’ / ‘украинские’.

⁸ В анализируемых корпусах ‘русские’ суффиксы {-ива-}/{-ыва-} были фонетически также реализованы как [ava], например, <abrabatavali>. Такие реализации, тем не менее, классифицировались в сравнении с белорусскими как ‘русские’ из-за наличия гласного в начале суффикса.

⁹ В формах настоящего времени, императиве и причастиях.

вационных суффиксов, напр., <abizbalivajuš'čix>¹⁰. При этом менее продуктивные и редко встречающиеся в корпусах 'общие' (для русского и белорусского) суффиксы не были включены в анализ.¹¹ В отличие от русского и белорусского, в украинском языке суффикс {-ува-} в формах настоящего времени чередуется с {-у-}: *розказувати* – *розказую*. Также следует отметить, что украинский суффикс {-ува-} соответствует также другим русским суффиксам: {-ова-}, {-ева-}, поэтому в анализ включены только украинские формы, имеющие структурно близкие соответствия в русском языке, где выступают суффиксы {-ива-}/{-ыва-}.

Группа 3 состоит из русской приставки {с-} (напр., *сломать*, *смочь*, *связать*) и белорусской / украинской {з-} (*зламаць*, *змагчы*, *звязаць* / *зламаті*, *зможти*, *зв'язати*). Они имеют во всех трех языках множество словообразовательных значений, напр., 'быть удаленным на некоторое расстояние' (*смести* / *змести* / *змести*); 'уничтожать, наносить ущерб, потреблять' (*сносить* / *знасіць* / *зносити*); 'совершить однократное действие' (*съездить* / *з'ездіць* / *з'їздити*) и др. (ср. Лукашанец, Николаева 2014: 335–250). Приставки группы 3 отличаются по звонкости / глухости согласного, глухому [s] в 'русской' приставке соответствует звонкий [z] в 'белорусской' / 'украинской'. Поскольку во всех восточнославянских языках существует ассимиляция по звонкости / глухости, здесь рассматриваются только те приставки, за которыми следует корень, начинающийся на гласный, сонорный или [v]. Структурно близкие русские префиксы {из-} / {изо-} и украинские {зі-} / {зо-} не включены в эту группу.

Группа 4 состоит из русских приставок {от-} / {ото-} (напр., *отнести*, *оторвать*, *отойти*), белорусских {ад-} / {ада-} / {ады-} (*аднесці*, *адарваць*, *адысці*) и украинских {від-} / {віді-} (*віднести*, *відірвати*, *відійти*). В белорусском и русском языках приставки этой группы различаются только звонкостью / глухостью согласного. Как и в предыдущей группе, здесь рассматриваются только те случаи, в которых за согласным следует гласный, сонорный или [v].

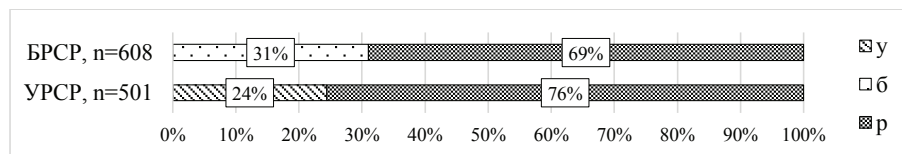
¹⁰ Последовательность словообразования: *боль* → *обез-бол-ива-ть* → *обез-бол-ива-ющ-ий*.

¹¹ Например, рус. *разыгрывать*, *проветривать* / бел. *разыгрываць*, *праветрываць*

Проблема с определением украинского префикса в этой группе состоит в том, что в диалектах украинского языка, распространенных в исследуемом ареале (см. АУМ, т.1, с. 373), эта приставка используется как с протетическим [v] (в некоторых регионах, хотя и крайне редко, также [h] – на юго-западе (Умань, Винница)), так и без него. Формы {від-} и {од-} распространены примерно в равной степени, причем в северной части ареала чаще используют форму без протезы (без различий по оси восток-запад), на юге и особенно в центре обе формы распространены одинаково. Поэтому четкое бинарное противопоставление укр. {від-} / рус. {от-} в данном случае не всегда возможно, так что форму {от-} / {од-} в тех случаях, где наличие звонкого / глухого согласного может быть объяснено ассимиляцией, мы рассматриваем как ‘общую’, поскольку невозможно определить, является ли отсутствие протетического [v] в комбинации со звонким согласным в конечной позиции в речи конкретного говорящего результатом смешения русской и украинской нормы или же обусловлено диалектным влиянием, и не включаем их в анализ. В тех случаях, где наличие звонкого согласного не может быть объяснено ассимиляционными процессами, приставки {од-} классифицировались как ‘украинские’ (диалектные).

Общее распределение ‘русских’, ‘белорусских’ и ‘украинских’ аффиксов в БРСР и УРСР

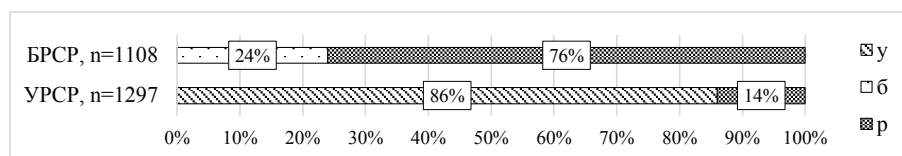
Диаграмма 1. Группа 1 рус: {-ниј-} / {-нѣј-} / {-ениј-} / {-еньј-} // бел: {-ннь-} / {-еннь-} / {-энь-} ~ укр: {-ннь-} / {-еннь-}¹²

¹² Все диаграммы и таблицы отображают результаты собственных исследований.

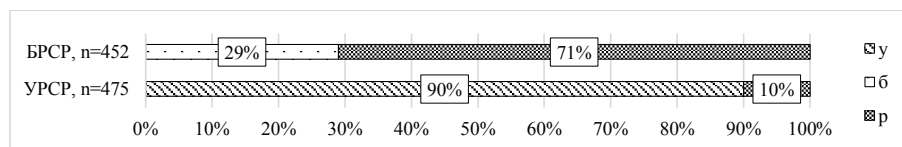
Для БРСР в гибридных высказываниях насчитывается 608 словоформ группы 1. ‘Русский’ вариант словообразовательного суффикса {-ниј-} / {-нѣј-} / {-ениј-} / {-енѣј-} явно перевешивает (72% в корпусе интервью и 66% – в семейном). В корпусе УРСР ‘русские’ суффиксы преобладают даже в большей мере, чем в БРСР, при этом значения идентичны в двух субкорпусах: по 24% ‘украинских’ и 76% ‘русских’ суффиксов.

Диаграмма 2. Группа 2 рус: {-ива-} / {-ыва-} // бел: {-ва-} ~ укр: {-ува-} ({-у-})

В группе 2 для БРСР также отчетливо преобладают ‘русские’ варианты суффиксов. Различие в распределении деривационных суффиксов между субкорпусами в группе 2 также остается незначительным (‘белорусские’ в семейном корпусе встречаются чаще в 4% случаев). Для УРСР ситуация прямо противоположная: в обоих частичных корпусах явно преобладают ‘украинские’ суффиксы, причем разница между корпусами составляет почти 10% в пользу семейного корпуса.

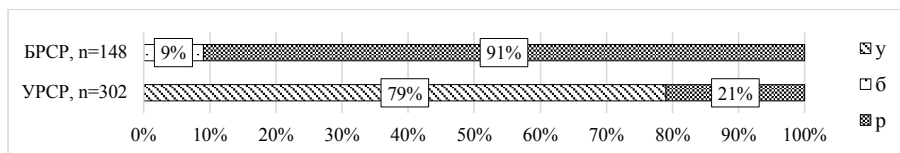
Диаграмма 3. Группа 3 рус: {с-} // бел: {з-} ~ укр: {з-}

Поскольку префиксы {с-} / {з-} достаточно продуктивны во всех трех языках, количество словоформ в этой группе больше, чем в других группах, но в анализе задействованы только те, которые можно четко определить, как ‘русские’ или же ‘белорусские’ / ‘украинские’, то есть исключены случаи (возможной) ассимиляции. На диаграмме 3 видно, что и в этой группе для БРСР преобладают ‘русские’ префиксы, а для

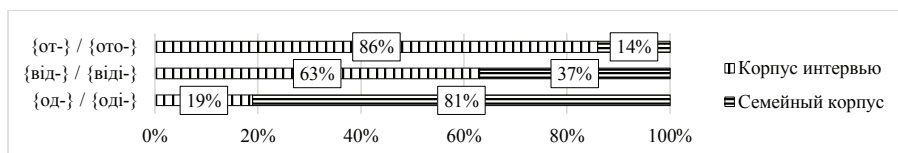
УРСР – ‘украинские’, причем еще более явно. Здесь разница между двумя субкорпусами в обоих случаях незначительна.

Диаграмма 4. Группа 4 рус: {от-} / {ото-} // бел: {ад-} / {ада-} / {ады-} ~ укр: {від-} / {віді-}

Для БРСР соотношение между ‘русскими’ и ‘белорусскими’ приставками группы 4 в субкорпусах отличается незначительно (около 7% больше ‘белорусских’ в семейном). К тому же доля ‘белорусских’ приставок в обоих подкорпусах этой группы значительно меньше, чем в трех предыдущих группах. В корпусе интервью встречаются всего три ‘белорусские’ приставки – в словоформах: <adyxodzjaŭ>, <adlupjac’>, <adrystaŭrygavali>. В УРСР в ‘украинские’ приставки включены как литературные (147), так и диалектные (91) формы. Разница между субкорпусами в количестве ‘украинских’ литературных и диалектных приставок очень показательна: семейный корпус преимущественно ‘диалектный’, в корпусе интервью преобладают литературные формы:

Диаграмма 4а. Варианты приставок группы 4 в УРСР

Для БРСР во всех четырех группах значения ‘белорусских’ вариантов аффиксов составляют только от 9 до 31 процента. Примечательно, что разница между двумя подкорпусами очень мала во всех группах, но тем не менее доля ‘белорусских’ аффиксов всегда выше в семейном корпусе. Для УРСР данные по корпусам для групп 1–3 (группа 4 составля-

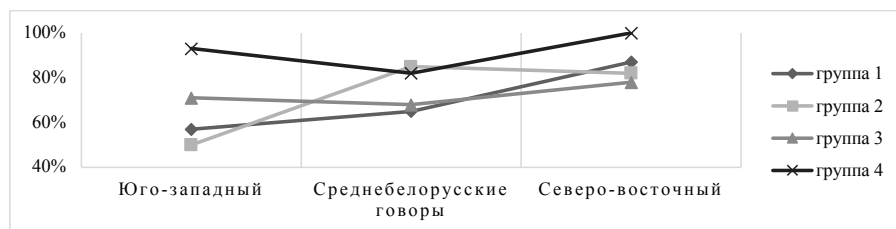
ет исключение из-за накладывания диалектных особенностей) тоже отличаются несущественно (в пределах 9%), и ‘украинские’ формы, хотя и, в отличие от БРСР, существенно преобладают в группах 2–4, также чаще встречаются в семейном корпусе. Это можно объяснить тем, что в более официальной ситуации интервью респонденты стараются использовать престижный русский язык.

Также сравнение распределения аффиксов между БРСР и УРСР показало, что в группе 1 распределение ‘русских’ и ‘белорусских’ / ‘украинских’ суффиксов очень похоже в БРСР и УРСР, тогда как в группах 2–4 оно полностью противоположно: если в БРСР респонденты в 2,5 – 3 раза чаще отдают предпочтение ‘русским’ формам, то в УРСР ‘украинские’ формы встречаются в 5 раз чаще, чем ‘русские’. При этом в группе 4 важную роль играют диалектные особенности.

Распределение аффиксов по городам / регионам

Чтобы определить возможные региональные различия в использовании ‘русских’ и ‘белорусских’ / ‘украинских’ аффиксов в БРСР / УРСР, представим распределение аффиксов по местам проведения опроса.

Диаграмма 5. ‘Русские’ аффиксы в группах 1–4, по диалектным зонам в БРСР

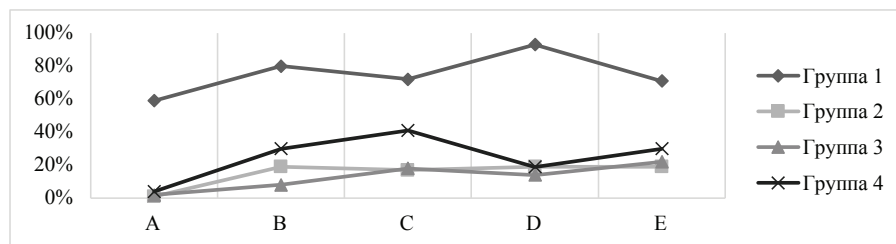
Как говорилось выше, для анализа были выбраны города из каждого белорусского диалектного региона. Как видно в диаграмме, в городах северно-восточного диалекта доля русских аффиксов почти во всех анализированных группах выше, чем в городах средне-белорусских говоров и в городах юго-западного диалекта. Также видно, что ‘русские’ аффиксы преобладают во всех регионах Беларуси. Конечно, разница между диалектными ареалами не так ярко выражена, как в УРСР. В об-

щем в случае БРСР тяжело говорить о явных различиях по оси «запад-восток».¹³ Различия наблюдаются скорее между отдельными городами, что предполагает скорее социальную обусловленность различий.

‘Белорусские’ аффиксы преобладают лишь в группе 1 в Октябрьском (61%) и в группе 2 в Барановичах (68%). При этом распределение суффиксов группы 2 в БРСР отображает в какой-то мере диалектное употребление этого суффикса. В белорусских диалектах встречаются как суффикс {-ва-}, так и {-ива-} / {-ыва-} (ср. ДАБМ 1963, карта 25). В БРСР тенденция к использованию варианта {-ва-}, который соответствует белорусской литературной норме, более сильная в городах юго-западного диалекта – Барановичи (68%), Слоним (41%), Октябрьский (48%). В группах 3 и 4 во всех городах преобладают ‘русские’ приставки (60-100%).

В УРСР в группах 2–4 во всех ареалах явно преобладают ‘украинские’ аффиксы, причем в ареале А их от 93 до 98 %. Наибольшее количество ‘русских’ аффиксов зафиксировано в ареале С. Группа 1 существенно отличается от остальных – по всем регионам преобладают ‘русские’ варианты (от 59% в западном регионе А до 93% в регионе D, где больше всего людей использует смешанную речь): употребление абстрактных отглагольных существительных присуще прежде всего достаточно официальным ситуациям, и в них респонденты отдают предпочтение ‘русским’ формам.

Диаграмма 6. ‘Русские’ аффиксы в группах 1–4, по ареалам в УРСР

¹³ Так, например, в городе Слоним во всех группах преобладают русские аффиксы (59% – 92%), хотя этот город находится в западной части юго-западного диалекта.

Социально-демографические характеристики

Также были проанализированы некоторые социодемографические характеристики респондентов БРСР и УРСР.

Анализ типов миграции¹⁴ и возраста респондентов не показал явных различий в употреблении ‘русских’ и ‘белорусских’ / ‘украинских’ аффиксов. В БРСР как мигранты, так и респонденты, родившиеся в городах, используют в своей речи больше ‘русских’ словообразовательных аффиксов, чем ‘белорусских’, хотя у городских немигрантов ‘русские’ аффиксы преобладают еще значительнее. Это различие можно отнести к белорусской языковой социализации мигрантов.

В корпусе УРСР использование аффиксов группы 2 и 3 не зависит от того, являются ли респонденты мигрантами из сел в города. В группе 4 мигранты почти в половине случаев используют ‘украинские’ диалектные приставки. Напротив, в группе 1 наблюдается более сильная тенденция к использованию ‘русских’ аффиксов у мигрантов: так, если у немигрантов соотношение ‘украинских’ и ‘русских’ аффиксов примерно 1:1, то мигранты используют ‘русские’ аффиксы в 2,5 раза чаще. Особенно показательна разница в использовании аффиксов в сравнении с БРСР: и в Украине, и в Беларуси люди, переехавшие из сел в города, начинают использовать русские формы как «престижные», разница же обнаруживается в сравнении с контрольной группой, то есть не-мигрантами: если в Беларуси коренные городские жители в большинстве используют русский, и по сравнению с ними речь мигрантов содержит больше белорусских (часто диалектных) элементов, то украинские города гораздо более украиноязычны, что объясняется более высоким статусом украинского языка в Украине, и в их среде речь мигрантов воспринимается как более русифицированная.

¹⁴ Сравнивались две группы респондентов. Первая группа – это типичные внутренние мигранты из сел в города (в тексте – «мигранты»). Прототипами этой группы являются респонденты, которые родились и выросли в сельской местности и в юном возрасте переехали в город для учебы или работы. Языком их первой социализации был в основном белорусский / украинский диалект и в основном они посещали белорусско-/ украинскоязычную школу. Вторая группа – «городские немигранты»: это респонденты, которые родились и выросли в городе. Языком их первой социализации являлась БРСР / УРСР (ср. Теш 2013: 44). Средний возраст мигрантов в корпусе БРСР – 50 лет, не-мигрантов – 33 года; в корпусе УРСР соответственно 52 и 36 лет.

Относительно возрастных групп респондентов также не было выявлено больших различий в употреблении разных аффиксов. В БРСР все возрастные группы используют больше ‘русских’ аффиксов, чем ‘белорусских’, причем у более молодых респондентов тенденция к использованию ‘русских’ аффиксов сильнее (кроме группы 4). При этом разница между возрастными группами составляла не более 17%. В УРСР ситуация похожа – молодежь использует немного больше ‘русских’ аффиксов, прежде всего в группе 1, данные для средней и старшей групп почти идентичны.

Распределение респондентов по полу в УРСР практически равномерное, но во всех группах женщины используют ‘украинские’ формы немного чаще, чем мужчины (разница составляет от 3 до 10%). В БРСР в группе 1 женщины также используют ‘белорусские’ суффиксы чаще, чем мужчины (ж – 35%; м – 17%), в остальных группах разница незначительна (<5%).

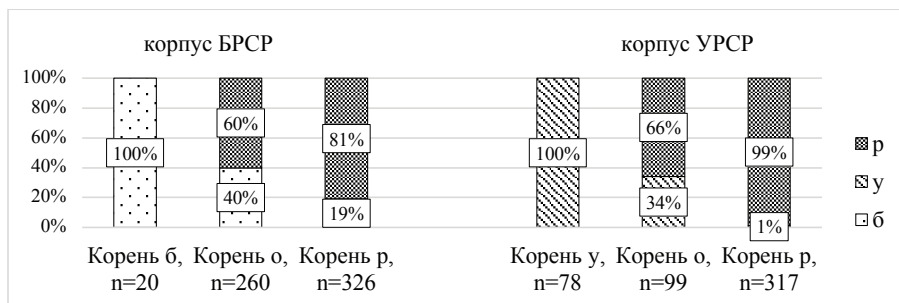
Аффинитет корней

В анализированный материал вошли словоформы, которые имеют как ‘общие’, так и ‘русские’ или ‘белорусские’ / ‘украинские’ корни. Можно предположить, что суффиксы в БРСР / УРСР пришли отдельно от ‘русских’ или ‘белорусских’ / ‘украинских’ корней, потому что эти группы содержат словоформы, содержащие ‘русский’ корень и ‘белорусский’ / ‘украинский’ суффикс. Так возникают ‘гибридные’ словоформы. Поэтому интересно проанализировать аффинитет, или сродство корней. Однако до этого следует сказать, что в анализируемом корпусе БРСР доля ‘белорусских’ корней намного ниже, чем ‘русских’. В знаменательных частях речи двух корпусов доля ‘белорусских’ корней составляет всего 4,2%. Корпус УРСР является гораздо более «украинским»: так, ‘украинских’ корней в знаменательных частях речи в нем 38,8%, тогда как ‘русских’ – только 13,3%.

Сравнение аффинитета корней является интересным, поскольку можно предположить, что распределение словообразовательных суффиксов сильно отличается в зависимости от принадлежности корней к русскому или белорусскому / украинскому литературному языку. Гипотетически ‘белорусские’ / ‘украинские’ корни привязывают к себе

больший процент ‘белорусских’ / ‘украинских’ суффиксов, чем ‘русские’ корни. Доля ‘белорусских’ / ‘украинских’ суффиксов при ‘общих’ корнях должна бы, соответственно, находиться между ними.

Диаграмма 6. Группа 1 рус: {-ниј-} / {-нѣј-} / {-ениј-} / {-енѣј-} // бел: {-ннѣ-} / {-еннѣ-} / {-эннѣ-} ~ укр: {-ннѣ-} / {-еннѣ-}: аффинитет корней

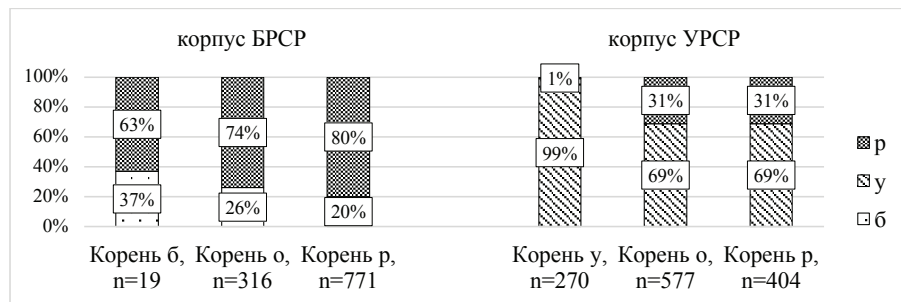

Интересно, что ‘белорусские’ корни в группе 1 используются только вместе с ‘белорусскими’ суффиксами. В БРСР в общей сложности представлено 20 словоформ с ‘белорусскими’ корнями в разных городах (кроме Хотимска, Слонима, Баранович), от разных говорящих и относящихся к разным лексемам: *адраджэнне, кіраванне, натхненне, практыкаванне, пытанне, жаданне* и *чытанне*. Большинство этих словоформ используются в контексте школы или работы. В УРСР аффинитет ‘украинских’ корней и суффиксов тоже 100%-ный, но таких словоформ гораздо больше, хотя они также преимущественно относятся к более «официальному» регистру: *мислення, народження, навчання, оточення, речення* (слов «бытовой» тематики гораздо меньше, напр., *опалення, варення*), хотя распределены они по корпусам достаточно равномерно: 46 словоформ в семейном корпусе и 32 – в корпусе интервью.

Для ‘общих’ корней возникает вопрос о том, какие деривационные форманты, ‘белорусские’ / ‘украинские’ или ‘русские’, составляют большинство. В этом случае ‘общие’ корни чаще сочетаются с ‘русскими’ суффиксами (60% для БРСР, 66% для УРСР), но тем не менее доля ‘белорусских’ / ‘украинских’ суффиксов в сочетании с ‘общими’ корнями весьма значительна.

Хотя в БРСР ‘русские’ корни в группе 1 чаще всего сочетаются с ‘русскими’ суффиксами, в некоторых случаях также встречаются комбинации ‘русских’ корней с ‘белорусскими’ суффиксами, в общей сложности – 19% (для УРСР количество комбинаций ‘русских’ корней с ‘украинскими’ суффиксами совсем незначительно – 1%). Так возникло 63 ‘гибридных’ русско-белорусских словоформы, соотносимых с 33 различными лексемами. Чаще всего встречаются следующие словоформы: <daŭlennja>, <raǰdzennja>, <sastajannja>. В таких случаях можно увидеть адаптивные процессы, поскольку ‘русские’ корни заимствованы из БРСР без системы суффиксов. Интересно также отметить, что такие случаи чаще встречаются в двух городах: в Октябрьском – 27 случаев у семи разных респондентов, и в Сморгони – 30 случаев у четырех разных респондентов. Украинско-русских ‘гибридных’ словоформ зафиксировано всего 4: <jaŭlennja>, <pičjen’nja>, <podorožan’nja>, <údajlan’nja>, причем первая из них – с ‘украинским’ ударением на корне.

Диаграмма 7. Группа 2 рус: {-ива-} / {-ыва-} // бел: {-ва-} ~ укр: {-ува-} ({-у-}): аффинитет корней

На первый взгляд в группе 2 становится заметной большая разница как с предыдущей группой 1, так и между БРСР и УРСР: здесь ‘белорусские’ корни сочетаются не только с ‘белорусскими’ суффиксами, но и с ‘русскими’, в отличие от ‘украинской’ соответствующей части исследования, где сохраняется почти 100%-ный аффинитет. Хотя число ‘белорусских’ корней довольно небольшое по сравнению с остальными, это важное наблюдение, потому что это означает, что русский так далеко про-

ник в суффиксальную систему БРСР, что ‘русские’ суффиксы не только преобладают в комбинации с ‘общими’ корнями, но и сочетаются с ‘белорусскими’ корнями. Следующие словоформы с ‘белорусскими’ корнями все же сохраняют ‘белорусские’ суффиксы: <atkazvac’>, <atkazvali>, <padpal’vaic’>, <perasadžvac’>, <prysluchouvaišsja> и <pryšluchouvajesšsja>. Вследствие сочетания ‘белорусских’ корней с ‘русскими’ суффиксами возникают следующие ‘гибридные’ словоформы: <atkazyvaú>, <paadčéplivajuc’>, <padkuplivait>, <padsluxivaju>, <pahulivaju>, <panakuplivali>, <paras’cjahivali>, <vymakivaj>, <vysadžyvajem>, <vyvažyvac’>, <zavučyvaú> и <ščéplivaješ>.

В словоформах с ‘общими’ корнями у 26% представлены ‘белорусские’ суффиксы. Большинство, однако, как и с остальными корнями этой группы, составляют ‘русские’ суффиксы. ‘Украинские’ же суффиксы, как и во всей группе, преобладают.

В словоформах БРСР с ‘русскими’ корнями картина похожа на группу 1, причем 20% корней сочетаются с ‘белорусскими’ суффиксами. Такими словоформами представлены всего 33 лексемы. Наиболее распространены следующие ‘гибридные’ словоформы: <sprašvac’>, <zakatvac’>, <zavaračvac’>. Интересно также, что такое ‘гибридное’ словосочетание с ‘русским’ корнем и ‘белорусским’ суффиксом чаще всего встречается в одном городе – это, как и в группе 1, Октябрьский, и здесь зафиксировано 26 случаев из 62 таких словоформ.

Совершенно иная картина в УРСР, где в большинстве случаев используются ‘украинские’ суффиксы, даже в сочетании с ‘русскими’ корнями. Следует также отметить, что соотношение ‘украинских’ и ‘русских’ корней, сочетающихся с суффиксами группы 2, существенно отличается от соответствующего соотношения в БРСР, хотя в УРСР в этой группе ‘русских’ корней тоже больше, чем ‘украинских’. Наиболее частотные словоформы-‘гибриды’ – <razhovarjuvat’>, <sprašuvat’>, <[...].strajuvat’[sja]> (в различных формах и вариантах).

В БРСР в сочетании со всеми корнями преобладают ‘русские’ суффиксы, тогда как в УРСР – ‘украинские’.

В группах 3 и 4 в корпусе БРСР зафиксированы практически исключительно ‘общие’ корни, поэтому последующий анализ относится только к корпусу УРСР.

Диаграмма 8. Группа 3 рус: {с-} // укр: {з-}: аффинитет корней

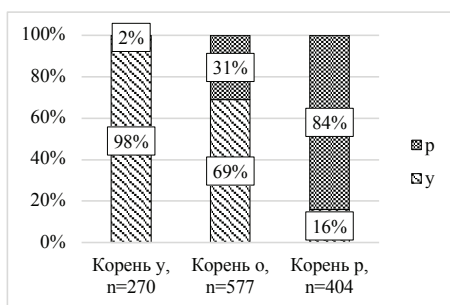
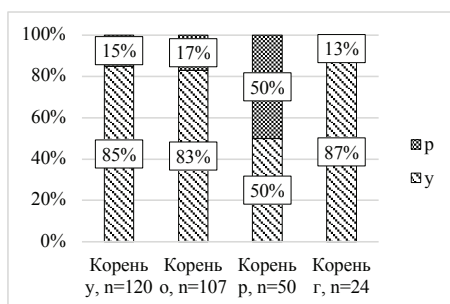

Диаграмма 9. Группа 4 рус: {от-} / {ото-} // укр: {від-} / {віді-}: аффинитет корней

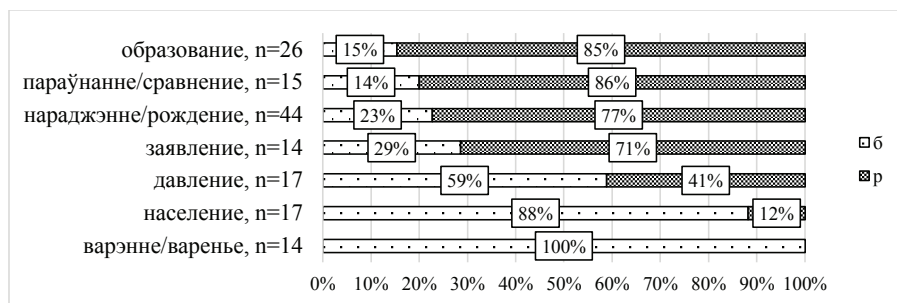
В группе 3 аффинитет корней проявляется достаточно четко, причем если ‘украинские’ корни сочетаются почти исключительно с ‘украинскими’ приставками, то для ‘русских’ корней в каждом шестом случае встречается сочетание с ‘украинским’ аффиксом. В случае использования ‘общих’ корней говорящие в 2/3 случаев используют ‘украинские’ приставки. В группе 4 использование ‘украинских’ аффиксов также преобладает, причем даже с ‘русскими’ корнями они сочетаются в половине случаев.

Часто встречающиеся лексемы

Теперь проанализируем во всех группах наиболее часто встречающиеся лексемы относительно распределения суффиксов. Для каждой

группы рассмотрим 5–7 наиболее частотных лексем. Сопоставление в БРСР и УРСР возможно здесь только в отдельных случаях. Иногда использовались целые словообразовательные гнезда с соответствующими аффиксами.

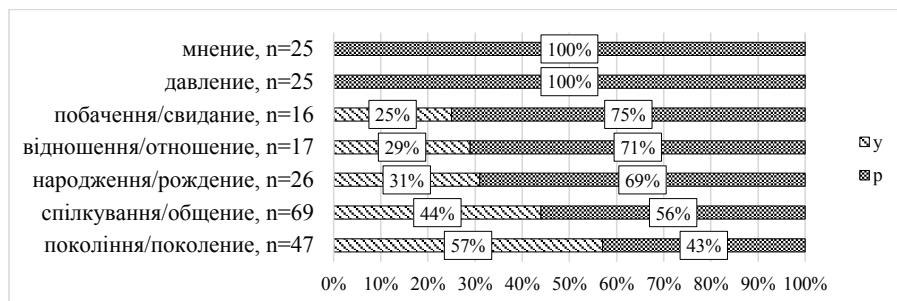
Диаграмма 10. Группа 1 рус: {-ниј-} / {-ньј-} / {-ениј-} / {-еньј-} // бел: {-ннь-} / {-еннь-} / {-энь-}; частотные лексемы¹⁵

Удивительно, что не во всех лексемах в БРСР доминировал ‘русский’ вариант суффикса: в некоторых лексемах преобладает ‘белорусский’ суффикс.

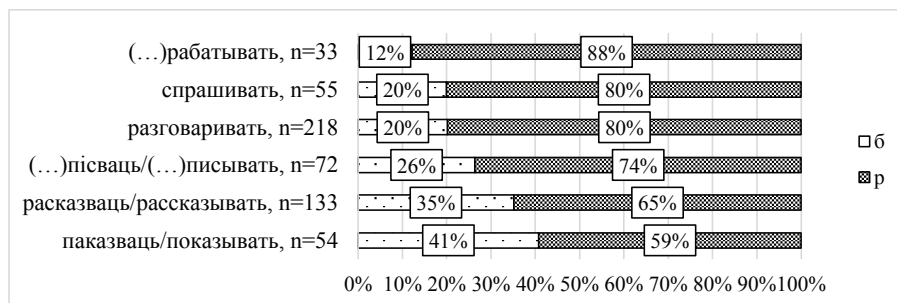
¹⁵ Обозначение лексем БРСР было сделано здесь и далее в соответствии с белорусским/русским литературным языком, в самих корпусах были разные формы слова, например, для *рождение* – <raźdenija>, <raźden’ja>, <raźdzennja> и др.; для *сравнение* – <sraŭnenija>, <sraŭnenju>, <paraŭnan’ni> и др.

Диаграмма 11. Группа 1 рус: {-ниј-} / {-нѣј-} / {-ениј-} / {-еньј-} // укр: {-ннь-} / {-еннь-}: частотные лексемы¹⁶

В УРСР виключительно ‘русские’ аффікси представлені в словах, існуючих різні корні і словообразовательні моделі в українському і російському мовах (рус. *мнение*, *давление* – укр. *думка*, *тиск*): в цих випадках гібридизація була б дуже складною, так як вимагала б додатково зміни кінця, а іноді також ударення і основи –**да́влення*, **мні́ння*.

Диаграмма 12. Группа 2 рус: {-ива-} / {-ыва-} // бел: {-ва-}: частотные лексемы

¹⁶ Аналізуемые лексемы прыведзены тут і далей на украінскаму і на рускаму літаратурных мовах, у некаторых выпадках – гібрыдных фармах (азначаны *), калі сустрачаліся толькі яны, хоць у самых корпусках былі розныя фармы слова, напрыклад, *разгаварываць* – <razhavarjувать>, <razhovarjувать>, <rozhovarjувать> і др.

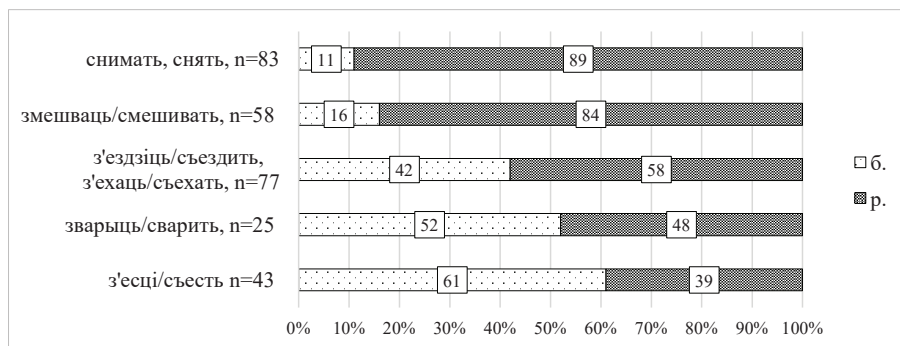
В отличие от группы 1, ни в одной из лексем ‘белорусские’ суффиксы не преобладают. Семантика лексем в группе 2 оказывает меньшее влияние на выбор суффикса.

Диаграмма 13. Группа 2 рус: {-ива-} / {-ыва-} // укр: {-ува-} ({-у-}): частотные лексемы

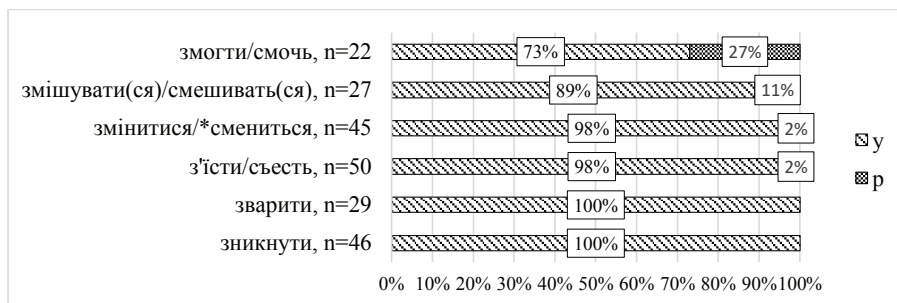
‘Украинские’ суффиксы преобладают в этой группе тотально, причем их перевес, хотя иногда и незначительный, зафиксирован даже в случаях ‘русских’ лексем, то есть частотными являются ‘гибридные’ формы, напр., *розговарювати, *спрашувати. Таким образом, в этой группе налицо преобладание ‘украинской’ морфологии.

Диаграмма 14. Группа 3 рус: {с-} // бел: {з-}: частотные лексемы

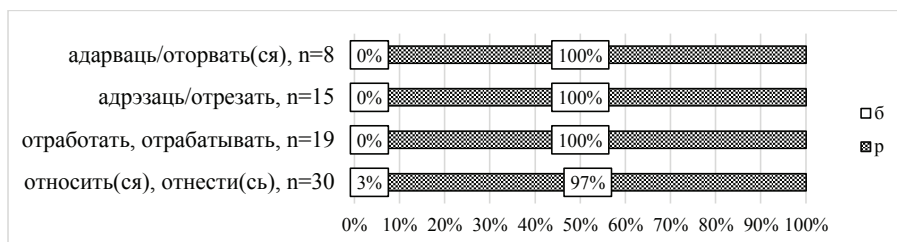
В БРСР в группе 3 в трех из пяти частотных лексем преобладают ‘русские’ префиксы. Словоформы лексем *з’есці / съестъ* и *зварыць / сварить* чаще образуются с помощью ‘белорусской’ приставки.

Диаграмма 15. Группа 3: рус: {-с-} // укр: {з-}: частотные лексемы

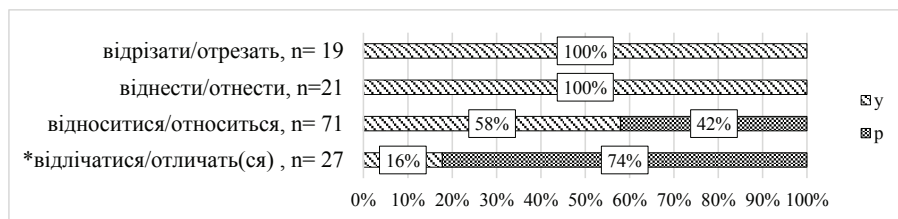
Как и в предыдущей группе, во всех частотных лексемах наблюдается явное, иногда 100%-ное предпочтение ‘украинских’ суффиксов. Так как в группах 2 и 3 эти слова преимущественно являются «бытовыми», в отличие от лексики группы 1, можно утверждать, что семантика играет значительную роль при выборе аффиксов.

Диаграмма 16. Группа 4: рус: {от-} / {ото-} // бел: {ад-} / {ада-} / {ады-}: частотные лексемы

Так как группа 4 в корпусе БРСР достаточно маленькая, для нее можно выделить всего 4 частотные лексемы. Почти все они на 100% образуются с помощью ‘русских’ приставок.

Диаграмма 17. Группа 4: рус: {от-}/{ото-} // укр: {від-}/{віді-}: частотные лексемы

Поскольку словоформы с возможной ассимиляцией были исключены из анализа, было сопоставлено только небольшое количество словоформ. Во многих из них использованы диалектные суффиксы, в частности, в формах <odnesty>, <odrizaty> и др. никогда не используются ‘русские’ приставки, но и литературные ‘украинские’ с протетическим [v] встречаются крайне редко.

Заклучение

На основании анализа можно утверждать, что сочетаемость морфем в УРСР и БРСР весьма существенно отличается, но внутри каждого из этих идиомов заметны некоторые структурные предпочтения.

Таблица 1. Обзор всех словообразовательных групп в корпусе БРСР и УРСР

Группа	Корпус БРСР			Корпус УРСР		
	n P	n Б	Доля Б	n P	n У	ДоляУ
1	420	188	31%	295	124	30%
2	839	269	24%	176	975	85%
3	322	130	29%	38	537	93%
4	134	14	9%	64	238	79%

Анализ показал, что в БРСР существуют четкие предпочтения в использовании 'русских' словообразовательных аффиксов, хоть доли 'белорусских' деривационных формантов и колеблются от 9% (группа 4) до 31% (группа 1). Это можно объяснить тем, что русский язык, как упоминалось во введении, занимает доминирующее положение в большинстве социальных сфер в Беларуси – как по отношению к литературному белорусскому языку, так и к белорусским диалектам. Таким образом, сильное влияние русского литературного языка на систему деривационной морфологии БРСР проявляется, по крайней мере, в рассмотренных здесь явлениях. Соотношение 'белорусских' и 'русских' деривационных аффиксов варьируется незначительно во всех группах в зависимости от таких социодемографических факторов, как миграционный статус и возраст информантов (у немигрантов и более молодых людей тенденция к употреблению 'русских' аффиксов сильнее). Некоторую роль играет место сбора материала. В целом можно утверждать, что распределение по городам в каждой словообразовательной группе довольно неоднородно, четкое разделение 'русских' и 'белорусских' деривационных аффиксов по оси запад-восток или по диалектным зонам отсутствует.

Структурный параметр аффинитета корней является наиболее релевантным для выбора 'белорусских' или 'русских' суффиксов. В процентном соотношении больше 'белорусских' суффиксов привязано к 'белорусским' корням, чем к 'русским', 'общие' корни находятся посередине. Семантика не играет большой роли в выборе аффикса, за исключением группы 1. В группах 2, 3 и 4 почти все лексемы предпочитают 'русские' аффиксы.

В УРСР преобладают 'украинские' аффиксы, за исключением более «литературных» слов группы 1. Социодемографические параметры, такие как возраст, пол респондентов, а также миграционный статус, играют минимальную роль, хотя и здесь существуют определенные тенденции: так, больше 'украинских' аффиксов встречается в речи женщин, мигрантов из сел в города (в группах 2 – 4, в группе 1 тенденция противоположная), более пожилых людей, хотя разница нигде не превышает 10%. Важную роль играет место сбора материала: наибольшее количество 'украинских' аффиксов во всех группах обнаружено в западном ареале А, и их количество уменьшается по оси запад-восток. Семанти-

ка также играет определенную роль: так, в словах «бытовой» тематики чаще выступают ‘украинские’ аффиксы, тогда как «официальная» лексика предпочитает ‘русские’. Одним из наиболее важных параметров является аффинитет корней: так, ‘украинские’ корни сочетаются практически исключительно с ‘украинскими’ аффиксами, в группах 1 и 3 похожая (хотя и менее последовательная) ситуация с ‘русскими’ корнями и аффиксами. Анализ группы 4 показал, что в отдельных случаях важную роль также играют диалектные особенности.

Полученные результаты подтверждают общий вывод (Хентшель 2018) о том, что БРСР является более русифицированной, нежели УРСР. Сопоставление материала БРСР и УРСР показывает разницу в морфологии этих смешанных идиомов: если в белорусской смешанной речи чаще выступают ‘русские’ аффиксы, то в украинской они преобладают только в отдельных случаях, определенных семантикой. Важным отличием является то, что ‘украинские’ аффиксы в УРСР иногда даже являются предпочтительнее в роли «престижного» варианта вследствие более высокого статуса украинского языка в Украине.

Библиография

- HENTSCHEL G., ZELLER J.P., TESCH S., 2014, Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR, Oldenburg: BIS [<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>].
- АУМ = Атлас української мови / Гол. ред. колеґії І. Г. Матвіяс. – К.: Наук. думка, 1984–2001, Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. – С. 373.
- ДАБМ = Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. У 2-х ч. / Пад рэд. Р. І. Аванэсава. – 1963.
- Хентшель Г., Киттель Б., 2011, Языковая ситуация в Беларуси: Мнение белорусов о распространенности языков в стране, *Социология* (Минск), 4, 62–78.
- Хентшель Г., 2013, Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь, *Вопросы языкознания* 1, 53–76.
- Хентшель Г., 2016, Регулярная вариативность или «хаос»: Вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки», *Вопросы языкознания* 6, 84–112.
- Хентшель Г., 2018, Белорусская «трасянка» и украинский «суржик»: об основных различиях в степени влияния русского языка, *Przegląd Rusycystyczny*, nr 2 (162), s. 189–206.

- ХЕНТШЕЛЬ Г., ТАРАНЕНКО О.О., 2015, Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, «суржик» (уживання – мовна компетенція – національне позиціонування), *Мовознавство* 4, 3–25.
- ЛУКАШАНЕЦ А.А., НИКОЛАЕВА О.М. (ред.), 2014, Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование. Минск.
- ПЛЮЩ М.Я., 2005, Граматика української мови: Морфеміка. Словотвір. Морфологія. Ч. 1. Київ.
- ТЕШ С., 2013, Морфосинтаксические феномены в белорусско-русской смешанной речи: предложно-падежные конструкции. В: *Веснік БДУ (серыя 4)* 2013/3, 43–51.
- УП = Український правопис / Ред. Є. І. Мазніченко, Н. М. Максименко, О. В. Осадча. – Київ: Наукова думка, 2015.–286 с.
- ШАКУН Л.М., 1978, Словаўтварэнне. Мінск.

Morphological derivation in Belarusian-Russian and Ukrainian-Russian mixed speech

(s u m m a r y)

The article dwells upon reasons that may lay behind the differences between word formation in Belarusian-Russian and Ukrainian-Russian Mixed Speech (BRMS and URMS). Taking into account some derivational phenomena, I demonstrate which affixes ('Russian' or 'Belarusian'/'Ukrainian') are more preferable. Under scrutiny are also sociodemographic and structural factors that influence on the choice of affixes.

Comparison of BRMS and URMS demonstrates the difference in the morphology of these mixed idioms. While in Belarusian Mixed Speech more often are 'Russian' suffixes, in URMS they prevail only in some cases, semantically triggered. The most important difference is the fact that 'Ukrainian' suffixes in URMS are sometimes even more preferable as a more "prestigious" variant due to the higher status of Ukrainian language in Ukraine.

The role of such sociolinguistic factors as rural-urban migration and the age of the informants is minimal, however by non-migrants and younger people the tendency toward the use of 'Russian' suffixes is stronger. In both idioms an important parameter is the root affinity, but in URMS 'Ukrainian' suffixes are more frequent even with 'Russian' roots. Areal differences are discovered – while in URMS the number of 'Ukrainian' suffixes is gradually decreasing along the axis "West-East", in BRMS the areal distribution is quite variegated and there is a clear division along the axis "West-East", or depending on dialectal areas is not attested. For URSR in separate cases an important role is played by dialectal specialties.

